

Я. Рохоzinьский

Ярослав Ивашкевич о России и русской культуре

Затронутая мной тема уже имеет богатую традицию изучения, как научную, так и публицистическую и мемуарную. И неудивительно, ведь этот вопрос относится — и мировоззренчески, и эстетически — к важнейшим свершениям писателя. Рамки статьи позволяют разве что тезисно сформулировать несколько важных, в моем понимании, проблем.

Ровно десять лет назад появилась интереснейшая книга Петра Дробняка — «Единство в разнообразии. Европа в творчестве Ярослава Ивашкевича» (Вроцлав, 2002). Глава данной книги «Россия», свидетельствующая о высокой эрудированности ее автора, начинается общим утверждением, что «русская тема была... великим вызовом для Ярослава Ивашкевича, посвятившего ей исключительное внимание в своем творчестве» [1, s. 107]. Думаю, эту очевидную и основополагающую констатацию следует сопроводить рядом комментариев.

Россия была великим вызовом для писателя, но одновременно и неизвестной землей, где он никогда подолгу не находился и не имел в личной жизни непосредственных контактов с этой страной и ее народом. Правда, он родился в Российской империи, на Украине, и первый раз приехал в Россию, да и то лишь на пару дней, будучи 22-летним студентом Киевского университета, и зимой 1916 года должен был сдавать экзамен в переведенном тогда в Саратов университете. Сам Ивашкевич так вспоминал те времена:

Эта поездка — одно из интереснейших моих путешествий, первое соприкосновение с настоящей российской «глубинкой» и осознание огромного контраста, который существует между Россией и Украиной. <...> Саратов тогда бурлил жизнью молодежи, собранной в нескольких эвакуированных высших учебных заведениях. Студенческие столовые, общежития, а также кабаре и увеселительные заведения росли словно грибы после дождя. Была масса концертов, замечательный театр, где я смотрел «Иванова» Чехова, и, несмотря ни на что, атмосфера веселья, вино, икра и скачки [2, s. 133].

Память о тех днях, запечатленная в «Книге моих воспоминаний», свидетельствует об очаровании богатством и размахом местной культурной и

© Рохоzinьский Я., 2014

общественной жизни. И это несмотря на то, что шла война. Тот юношеский восторг уже не повторится почти никогда. Разве что, может быть, в книге очерков «Петербург».

Следующие поездки в Россию состоялись уже значительно позднее. После войны, в 1954 году, Ивашкевич впервые посетил Москву как глава делегации польских писателей на II Съезде советских писателей. Но культура уже советского государства серьезно отличалась от той модели русской культуры, которая в юности оказала значительное влияние на формирование его личности. Поездки эти всегда были краткосрочными и носили официальный характер.

Процесс юношеского становления Ивашкевича происходил, как известно, в орбите влияния трех культурных формаций: польской, украинской и русской. Польской — поскольку мы имеем в виду дом его детства и культивируемые в нем национальные традиции, ближайшие контакты, интеллектуальные и патриотические, с местной диаспорой, мировоззренчески определяющие поездки в Польшу, постоянное внимание к польской литературе XIX — начала XX века. Украинской — ввиду факта рождения, детства и юности, проведенных на украинской земле, любви к красотам украинской природы как постоянному мотиву его творчества. И наконец, русской — тут мы, конечно же, подразумеваем дореволюционную Россию, учебу в русскоязычной школе и университете, добрые отношения с просвещенными учителями, дружественные — с русскими сверстниками, совершенное владение русским языком, ставшим ключом к непосредственному восприятию литературы и культуры России.

Ивашкевич, сформировавшийся на пограничье трех культур, видел их взаимовлияние, но он также отдавал себе отчет в многообразии их различий и существовании напряженности между ними. Этот мотив, например, появляется в позднейшем стихотворении «Дочери Ярослава» из книги «Карта погоды». Рассказ о том, как Ярослав Мудрый отправлял своих дочерей в западные страны, венчается драматической рефлексией:

И прожигает решетку,
Ярость тяжелого взгляда,
Не находящего места,
Их безутешного брата [6, с. 429].

(Пер. Б. Слуцкого)

Эта строфа, может быть, уж слишком явно характеризует польскую историософскую перспективу. Но такая тональность — не доминирующая. Творчеству Ивашкевича сопутствует прежде всего идея взаимопонимания, поисков того, что объединяет, а не того, что разделяет. В сфере эмоций поэт всегда пытался создавать мир, пронизанный эмпатией. Дилеммы, перед которыми его ставила история, он

оформлял с помощью не восклицательных знаков, а знаков вопроса. Хорошим примером такой позиции выступило известное стихотворение «России» из сборника «Возвращение в Европу», написанное в 1928 году. Напомню эти строфы:

Что, Россия, скажу тебе — дескать, Пушкина сравнивать не с кем?
Или что беспощадно исхлестан был Достоевским?
Или то, что я с детства воспоминаясь отравлен:
Свет ночных куполов, и степное дыханье, и Скрябин?
Или то, что в лонах твоих возрастает сладкая нива?
Или то, что пропасть меж нами, которая не заполнима?
Рубеж и рубец, навеки болящая рана?
Или то, что тебя не люблю?
Или то, что ты мне не желанна? [6, с. 104].

(1928. Пер. Д. Самойлова)

Это программное признание, на языке поэзии выражающее принципиальное, постоянно сопутствующее Ивашкевичу видение России. Сторона ненависти, сторона образа России как империи — царской и советской, государства со структурой единовластия и тоталитаризма (захватническое государство, страна угнетения и насилия). Сторона любви — образ великого русского народа, который дал миру выдающихся людей и создал незабываемую литературу и культуру, имеющую наднациональное и надвременное значение. Образы эти накладываются друг на друга, взаимно проникают, дополняют друг друга, чтобы в результате создать единую картину особой художественной, интеллектуальной и психологической значимости.

Начиная с 1924 года Ивашкевич вступает в «европейский» период своего творчества. Он открывает для себя Италию, Францию, Германию, Австрию, несколько лет работает в польских дипломатических ведомствах Дании и Бельгии. Принимает активное участие в деятельности европейских литературных и культурных организаций, например Союза интеллектуалов и ПЕН-клуба. Я напоминаю об этом, чтобы подчеркнуть: юношеская «трехкультурность» Ивашкевича обогащается и дополняется западноевропейской культурной мозаикой. И с этой перспективы сосуществования и взаимодействия многих культур он постигает функционирование культуры русской.

В высокой степени оригинально мнение Ивашкевича по часто появляющейся в дискуссиях проблеме так называемой «азиатскости» России, за которой кроется представление о ее чуждости для Европы. Он возражает против этого и радикально меняет перспективу. Ивашкевич считает, что построение такой оппозиции безосновательно и, более того, провокационно; он убеждает, что весь наш континент, от Атлантики до Урала, может восприниматься и как Европа, и как Азия, и следовательно, мы

можем себя считать как европейцами, так и азиатами. Ивашкевич пишет об этом в прекрасном стихотворении «Азиаты» из книги «Карта погоды». Прочитируем фрагмент:

Слушай Женька давай пошлем
Всех баб крылатых
В Ростов Великий на колокольню
Пускай там каламбонят по стене

<...>

И пусть звонят что есть мочи
Колом-бом! Колом-бом!
Чтоб услышали у святой Агнессы
fuogi le mura и дальше
во всем Палермо
и в Монреале
и тоже звонили
Колом-бом! Колом-бом!

<...>

И чтобы над всей Европой
гул стоял
от этого звона
над реками Европы
над ее островами
и над морями Европы
Колом-болом! Колом-бом!

<...>

И чтоб мы неслись на конях
вперед вперед вперед
все вместе
в радуге звонов
Колом-болом
азиаты

Стихотворение заканчивается характерным для Ивашкевича вопросом:

Так неужели только тогда и будем богаты
Знаьем — узнав европейцы мы или азиаты [7].

(1969. Пер. А. Базилевского)

Художественные формы восприятия России у Ивашкевича различны. Замечательный прозаик, Ивашкевич только иногда обращается к форме описания. Это можно понять, рассмотрев его концепцию художественного образа, — образа, всегда конструируемого с огромным пиететом к природе, пейзажу, среде, заботой о конкретности и точности реалий со всей сопутствующей им атмосферой. Нехватка знаний в данной области,

обусловленная границами личного опыта, принципиально затрудняет создание образа русского мира посредством описаний. Эти трудности связаны с эстетической концепцией, основополагающей для прозаического творчества; Казимеж Выка охарактеризовал так ее:

Развернутый рассказ, в глубине которого всегда четкий философский, точнее мировоззренческий смысл; рассказ, который выражает этот смысл через красноречивую совокупность событий, но не через комментарий, не через рефлексивную вставку; рассказ, сотканный скорее из насыщенных образов самой действительности, постигаемой всеми органами чувств, чем взятый из глубин внутреннего мира; рассказ с очертаниями выразительными, но вместе с тем столь зыбкими и неуловимыми, словно окутанный дрожащим воздухом пейзаж знойного дня, — вот, в общих чертах, личный канон Ивашкевича [5, s. 206].

Писатель представлял Россию не через ее эмпирический образ, а прежде всего сквозь призму ее литературы, с которой он прожил всю жизнь как читатель, исследователь, комментатор и переводчик. Поэтому он обращался к форме эссе, что позволило соединить интеллектуально-интерпретационную рефлексию с элементами фабуляризованного обращения к своей лично пережитой биографии.

Результатом такого обзора стала книга очерков «Петербург», генезис которой связан с первым в жизни, продолжительностью всего в несколько дней, пребыванием писателя в Ленинграде в 1971 году. Он писал о нем:

Эта встреча была и разочарованием, и сюрпризом, но в любом случае одним из сильнейших путевых впечатлений, когда-либо мной пережитых. <...> Потрясающее впечатление: восприятие всей этой так исторически близкой культуры с точки зрения ее размещения в конкретном пространстве. <...> Это странно для человека, который много, очень много он себе вообразит, но когда что-то из воображаемого увидит, его прежнее переживание получает иные масштабы и разворачивается в ином колорите. <...> Конкретизация Петербурга вне прежних, часто абстрактных переживаний... наполняет не только волнением, но и ощущением весомости и истинности проблем, которые мы зачастую воспринимаем как эфемериды [3, s. 201—202].

Петербург наиболее полно отражает видение России в творчестве Ивашкевича. Россия воспринята здесь в контексте литературы, истории, пространства, в контексте польско-русских связей и, кроме того, в обращении к собственной биографии, собственному опыту и эмоциям.

Томаш Врочыньский в книге «Поздняя эссеистика Ярослава Ивашкевича» проводит разносторонний и очень глубокий анализ Петербурга. Он указывает на возврат к русской тематике в ее историософском полицентрическом восприятии при обращении к польской исследовательской мысли и литературному творчеству. Т. Врочыньский считает эту книгу очень важным словом о России, сопоставимым с «Родной Европой» Чеслава Милоша. Он пишет:

Соединительным звеном отдельных очерков является История, понятая как социальная и культурная действительность царской России, История, которая становится зримой в личностях, психологии и творчестве персонажей эссеистики Ивашкевича. Все эти персонажи... за исключением Радищева, удивительным образом связаны с Польшей: Мицкевич и Виткаций — ясное дело — своей национальной принадлежностью, Пушкин — контактами с Мицкевичем, Достоевский — своими литовско-польскими фобиями полушляхтича, полупоповича, который «не даст спуску поляку» [4, с. 15—16].

«Петербург» оказался последним развернутым высказыванием Ивашкевича о России. Постигая ход его мыслей, следует всегда помнить, что русская литература и русская культура были одним из самых важных сюжетов творчества Ивашкевича, от его истоков до последних стихотворений.

Список литературы

1. *Drobniak P.* Jedność w różnorodności. Europa w twórczości Jarosława Iwaszkiewicza. Wrocław, 2002.
2. *Iwaszkiewicz J.* Książka moich wspomnień. Warszawa, 1994.
3. *Iwaszkiewicz J.* Petersburg // Iwaszkiewicz J. Dzieła. Podróże. Warszawa, 1981. Т. 2.
4. *Wroczyński T.* Późna eseistyka Jarosława Iwaszkiewicza. Warszawa, 1990.
5. *Wyka K.* Oblicze świata // Jarosław Iwaszkiewicz / materiały zebrał i wstępem opatrzył Janusz Rohoziński. Warszawa, 1968.
6. *Ивашкевич Я.* Соч. : в 3 т. М., 1988. Т.1.
7. *Новая Польша.* 2012. № 7/8. URL: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=374> (дата обращения: 10.03.2012).

Пер. с польск. Л. Мальцева

